

Поговори со мною, гамба

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

В Москву впервые приехал один из патриархов европейского аутентичного движения — Виланд Кейкен, играющий на виоле да гамба. Вместе с молодым московским оркестром Pratum Integrum знаменитый бельгийский исполнитель сыграл две программы в Доме музыки и «Школе драматического искусства».

Вопреки устоявшемуся мнению о том, что аутентизм в Москве хил, вял и никому не интересен (то ли дело Петербург!), деятельность молодого оркестра старинной музыки Pratum Integrum (в переводе с латыни — «некошенный луг») под управлением виолончелиста Павла Сербина безуспешной никак не назовешь. В этом году коллектив, снабженный четким менеджментом, вырвался в лидеры столичного «исторически достоверного» исполнительства (что, впрочем, на нашем полупрофессиональном и анархичном безрыбье не так уж и трудно), а кроме того, завоевал приличный сегмент самой что ни на есть придирчивой музыкальной аудитории (что гораздо сложнее).

Поначалу коллектив заявил о себе с помощью исследовательской деятельности (цель — реабилитация русской музыки доглинковой поры) и немедленной записи ее результатов в формате супераудио-CD. Но настоящим козырем стала применяемая последние полгода практика приглашения в Москву мэтров европейского аутентизма и совместное с ними музицирование. И молодым музыкантам полезно, и в зале — аншлаг.

С оркестром уже выступил клавесинист Трэвор Пиннок, гобоист Марсель Понсель, скрипач Сигизвальд Кейкен. Теперь очередь

дошла до его старшего брата Виланда — главной знаменитости семьи Кейкен, прекрасного музыканта и педагога (у него в Гааге учился Павел Сербин), одного из тех людей, кто вместе с Густавом Леонхардом, Николаусом Арнонкурмом и другими революционерами шестидесятых открыли миру радости аутентизма, а заодно и барочный инструмент под названием виола да гамба.

Тихая и нежная гамба, которая в московской концертной жизни редкость, считается благородным предком виолончели, хотя и гитаре она тоже родственница (особенно в своем семиструнном французском варианте, которым пользуется Кейкен). На ней очень непросто играть, но виртуозные проблемы в исполнении Кейкена как-то даже и не возникали. В его музицировании не было ничего спортивного равно как и мистически-возвышенного (этим не так давно пленил московскую публику знаменитый представитель молодого поколения гамбистов Паоло Пандольфо). Скорее, общение Кейкена со своей гамбой напоминало доверительный и неспешный разговор.

Из двух программ, прозвучавших в Москве, наиболее притягательной оказалась вторая, половину которой маэстро играл в полном одиночестве опусы композиторов XVI—XVII веков — Диего Ортиса, Иоганнеса Шенка и Огюста Сент-Коломба, прославившегося своим учеником Мареном Маре. Второе ансамблевое отделение, состоявшее из нескольких сочинений Телемана и поэтичнейшей ре-минорной сюиты Маре, не смогло затмить сольной части концерта, хотя соединение энтузиазма и пиетета, продемонстрированное участниками оркестра Pratum Integrum, выглядело очень симпатично и исторически достоверно.

Музыкант **Виланд Кейкен:**

«Гамба и виолончель — как серебро и золото»

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРЧИН «ИЗВЕСТИЯ»

С Виландом Кейкеном встретила музыкальный обозреватель «Известий» **ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА.**

ИЗВЕСТИЯ: Известно, сколько сохранилось в мире старинных гамб?

Виланд Кейкен: Мне кажется, около сорока или пятидесяти.

ИЗВЕСТИЯ: А что за инструмент, на котором играете вы?

Кейкен: Вот эту виолу да гамба я купил в 1979 году в Соединенных Штатах. Но сделана она в Париже в 1704 или 1705 году Николасом Бертраном. Бертран был наиболее опытным тогда мастером, его гамбы были самыми дорогими, и это большая удача, что я смог достать его инструмент. Эта гамба прекрасно сохранилась, почти без реставрации! Так бывает редко, потому что гамба — очень хрупкий инструмент; кроме того, когда они перестали быть популярными, их стали переделывать в виолончели.

ИЗВЕСТИЯ: Получается, что во второй половине XX века гамбу практически воскресили из мертвых?

Кейкен: На самом деле это не совсем так. Традиция игры на гамбе, в общем, никогда не прерывалась окончательно. Были хотя бы несколько энтузиастов, которые продолжали играть на этом инструменте. Во Франции

была династия Казадезюс, которая еще в начале XX века основала Общество старинных музыкальных инструментов. Многие виолончелисты пытались играть на виоле да гамба — просто потому, что им это было интересно. Мы же сейчас пытаемся не только играть, но и узнать как можно больше об этом инструменте, сделать хорошие виолы да гамба, найти как можно больше информации о том, как на них играли раньше.

ИЗВЕСТИЯ: Почему вы так увлеклись этим инструментом?

Кейкен: Услышал по радио пьесу какого-то английского композитора. Ее играли как раз на гамбе, и, пожалуй, именно с этих пор я захотел играть на этом инструменте. Я стал покупать записи такой музыки, а потом увидел гамбу в Брюссельском музее. К этому времени я уже играл на фортепиано, виоле и виолончели.

ИЗВЕСТИЯ: Как же вы обучались игре на ней?

Кейкен: Самостоятельно. Помимо разных трактатов я читал письма Антуана Форкере к одному немецкому принцу, которого он учил играть на гамбе. Это очень хорошие уроки! Постепенно я пришел как раз к тому, чему он там его учит!

ИЗВЕСТИЯ: Чем виолончель отличается от виолы да гамба?

Кейкен: Ну, конечно, о звуке трудно говорить, это нужно слышать. Но мне кажется, гамба и виолончель — как серебро и золото. Серебро обладает блеском, но цвет золота более насыщен. Звук гамбы мягче, она звучит тише, чем «золотая» и звонкая виолончель.

ИЗВЕСТИЯ: Как вам работало с русским оркестром?

Кейкен: Я считаю, его уровень очень высок. В Pratum Integrum прекрасные инструменталисты, музыканты с очень хорошим вкусом. Конечно, кое в чем мы расходимся, но они так легко меня понимают! Мне не нужно описывать каждую фразу, мы просто играем дважды какое-то место, и они все понимают без слов.